

В день Праздника середины года в городе Фэнду всегда устраивали пышные торжества. Днем Бодхисаттва Кшитигарбха читал проповеди, а Король Яма — Яньгу — объявлял о смягчении наказаний для грешных душ. Ночью же наступал черед самих обитателей Фэнду праздновать так, как им вздумается.

В этот день на улицы высыпали все без исключения призраки. С самого утра в Фэнду бурлила жизнь; перед палатой Яньло собралась несметная, колышущаяся толпа духов.

На возвышавшемся перед палатой помосте, под устремленными на него тысячами взглядов, восседал Бодхисаттва. Облик его дышал величием: на голове высилась корона Вайрочаны, плечи покрывала монашеская кашайя. В одной руке он держал увенчанный кольцами буддийский посох-кхаккхару, в другой — нежный цветок лотоса. Его тихий, мерный голос без устали читал сутры.

Проведя в Подземном царстве уже полгода, Люцзин видел Бодхисаттву Кшитигарбху впервые. Этот преисполненный милосердия заступник неотлучно пребывал в Городе напрасно умерших, стремясь спасти и наставить на истинный путь каждую заблудшую душу. Говорили, что терпение его непоколебимо, словно сама твердь земная, а глубина помыслов сокрыта от праздных взоров, подобно тайному сокровищу — оттого его и нарекли Дицзаном. Глядя на него сейчас, Люцзин невольно ловил себя на мысли, что противиться умиротворяющей силе его учения просто невозможно.

Площадь безмолвствовала. Лишь негромкий, но удивительно отчетливый голос Бодхисаттвы, достигавший ушей каждого присутствующего, разносился над толпой:

— Кшитигарбха принял великое поручение Татхагаты и принес перед Буддой нерушимый обет: открыть врата спасения для всех страждущих в шести мирах сансары и даровать им освобождение...

Бодхисаттва поклялся, что не примет просветления и не станет Буддой, пока не опустеет ад, пока последняя душа не обретет спасение. Его учение о законе причин и следствий призывало к пробуждению и возвращению к Трем Драгоценностям. Внимая этим речам, Люцзин чувствовал, как его разум очищается от мирской суеты.

Проповедь длилась долгие четыре часа без единого перерыва, но никто из призраков не выказал и тени усталости. Когда же Бодхисаттва поднялся, чтобы уйти, вся толпа как один пала ниц.

— О, милосердный Будда! — единым выдохом пронеслось над площадью.

Под этот многоголосый гул Бодхисаттва Кшитигарбха кротко улыбнулся и, взойдя на сияющий лотосовый трон, бесшумно растаял в вышине.

Затем началось оглашение помилований. Яньгу лично зачитывал списки: кому за былые

заслуги сократили срок пребывания в аду, а кому пришло время испить суп Матушки Мэн и отправиться на перерождение. Когда с делами было покончено, сумерки уже окутали Фэнду.

По случаю праздника и приезда Бодхисаттвы даже молодой господин Хухэ покинул терем Лунного Сияния. Он редко показывался на людях, но уж если выходил, то всегда проявлял исключительную заботу о ближних. Пока Люцзин после окончания суда спешно разбирал свитки и бумаги, Хухэ подошел к их столу.

— Ужин в «Истинном аромате трупа» состоится сегодня, как обычно? — поинтересовался он.

Се Биань как-то упоминал, что на каждый Праздник середины года Яньгу устраивает пир в «Истинном аромате трупа» для всех призрачных посыльных, дабы отблагодарить их за нелегкую службу. Люцзин ценил такое отношение правителя к подчиненным и с радостью бы присоединился к празднеству, но сегодня его ждали куда более важные дела, и потому великодушным приглашением хозяина Подземного царства приходилось пренебречь.

Люцзин уже открыл было рот, чтобы вежливо отказаться, как вдруг раздался голос Яньгу:

— Всё пройдет как обычно. Но хозяином за столом будешь ты, Хухэ. Мы с Люцзином сегодня отправляемся в мир живых.

Хухэ удивленно перевел взгляд на Люцзина, поочередно разглядывая то его, то правителя.

— В мире смертных что-то стряслось? — спросил он у Яньгу.

— Пустяки, не беспокойся, — отмахнулся Яньгу. — Мы вернемся быстро. Люцзин, ступай в сокровищницу. Пусть выдадут золото, положенное жителям Фэнду к празднику, и разнесут по домам.

— Будет исполнено, — поклонился Люцзин.

Се Биань не лгал: Яньгу действительно был всеобщим любимцем в Подземном царстве. Щедрый к подчиненным и милосердный к простым душам, он каждый год на Праздник середины года выделял из казны немалые средства, чтобы одарить золотыми слитками каждого жителя Фэнду.

Люцзин поспешил в сокровищницу. Местный казначей, убеленный сединами старик, несмотря на преклонный возраст, двигался на удивление проворно. Когда Люцзин вошел, старик читал священные тексты, но тут же отложил свиток и поспешно поднялся навстречу.

— Приветствую господина судью! Верно, пришли за праздничной выплатой?

Люцзин невольно изумился его проницательности. Заметив его замешательство, старик добродушно рассмеялся:

— Каждым праздничным вечером владыка отправляет ко мне судью за золотом. Так что вы могли даже ничего не говорить, я и сам обо всем догадался.

— Вот оно что, — улыбнулся Люцзин. — Тогда почтенный старец наверняка знает и нужную сумму?

Морщины на лице старика собрались в глубокие лучики-борозды.

— Разумеется, всё давно подсчитано. Не извольте беспокоиться, господин судья, я сию минуту велю якшам заняться доставкой.

— Премного благодарен.

— Полноте, господин судья, пустяки! Ступайте с миром, не стану вас задерживать.

«И не нужно провожать», — с облегчением подумал Люцзин. Старик прожил на свете неизвестно сколько веков, и хотя держался бодро, если бы он ненароком повредил себе спину, Люцзин вовек бы не расплатился за лечение.

С этим поручением было покончено. Теперь оставалось лишь дожждаться ночи, чтобы вместе с Цзюцином отправиться в мир смертных. Люцзин вовсе не стремился навязываться и мешать чужой встрече, однако он слишком боялся невольных ошибок. Уж лучше держать всё под личным контролем — так спокойнее. И пусть скрывать правду от Цзюцина было нехорошо, иного выхода просто не существовало.

До заката еще оставалось время погулять по Призрачному рынку и полюбоваться праздничными фонарями, но сперва следовало заглянуть в хижину к Цзюцину.

Матушка Мэн по случаю праздника отпустила Вэй Чжиюэ отдохнуть. Люцзин уже успел переговорить с девушкой наедине, поэтому, хоть она и знала, что её отец собирается нарушить запрет и отправиться к людям, препятствовать не стала и вела себя на удивление спокойно.

Когда Люцзин добрался до хижины, те уже закончили трапезу. Поскольку они оба теперь официально числились среди жителей Фэнду, то сразу после окончания проповеди Бодхисаттвы поспешили вернуться домой. Праздничная амнистия местных обитателей почти не затронула, и именно поэтому Яньгу решил порадовать их золотом из личных запасов.

Мысль о скором возвращении на землю и встрече с Синьйи привела Цзюцина в такое возбуждение, что он весь день не находил себе места. При виде друга он принялся мерить комнату шагами, не в силах усидеть на стуле.

— Ну и терпение у тебя! Из угла в угол шагаешь, голова не кружится? — окликнул его Люцзин, еще не переступив порога.

Услышав его голос, Цзюцин поспешно выбежал навстречу.

— Ну что, пора? — в его голосе звенело такое нетерпение, что сложно было поверить: совсем недавно этот человек наотрез отказывался от встречи.

Люцзин зашел в комнату и приветственно кивнул сидевшей у окна Вэй Чжиюэ.

— Нужно еще немного подождать, — сказал он Цзюцину, стараясь унять его пыл. — В мире смертных сумерки еще не сгустились. Давай пока прогуляемся по городу, поглядим на фонари?

Цзюцин понимал, что торопить события бессмысленно, и обреченно вздохнул:

— Ладно, давай.

В черте Фэнду протекала река. Никто не знал, откуда она берет свое начало и куда устремляет бег, но её глубокие воды тянулись через весь город. Сейчас берега реки были наводнены шумной, бесконечной толпой призраков. По широкой глади плыли мириады бумажных фонариков в форме лотосов. Их дрожащие огоньки сливались в единое золотое сияние, заливавшее реку мягким, призрачным светом.

Среди духов ходило поверье, будто эти воды изливаются из чертегов Небес, омывают мир смертных, опускаются в преисподнюю и затем вновь возносятся к облакам. Возможно, именно поэтому река оставалась удивительно чистой и прозрачной.

Люцзин, впервые заставший этот праздник в Фэнду, заворуженно смотрел по сторонам. На набережной толпились призраки, бережно опуская на воду хрупкие лотосы; по улицам бродили и старые, и малые духи, неся в руках зажженные фонари и весело перекликаясь между собой.

Внизу колыхались зыбкие тени, а над головой клубилось мягкое свечение, окрашивая обычно унылые серые крыши Фэнду в праздничные тона. В Подземном царстве почти не росло зелени — лишь блеклые костяные цветы да кроваво-красные бутоны на берегах Реки Забвения. Самыми же известными и священными растениями этих мест почитались дикая роза-туми во дворе терема Лунного Сияния и три священных дерева Удумбара, росших в самом сердце Фэнду.

Одно дерево укрывало своей тенью обитель Бодхисаттвы Кшитигарбхи, второе высилось перед палатой Яньло, а последнее росло на западе Призрачного рынка, у терема Саха. Когда Люцзин

впервые услышал это название, он вообразил величественный чертог с искусной резьбой и нефритовыми перилами.

Реальность оказалась куда прозаичнее. Терем Саха представлял собой лишь одинокую деревянную арку из старого сандала, вкопанную прямо в каменистую землю посреди Западной улицы Призрачного рынка. Несмотря на внешнюю простоту, это место считалось священным благодаря вырезанным на перекладине иероглифам: «Терем Саха».

«Мир Саха — мир великого терпения». Для душ, пришедших из мира живых, проход под этой аркой символизировал очищение через земные страдания и заботы, которые они оставили позади. А сразу за воротами раскинуло свои ветви великое дерево Удумбара.

Для обитателей Фэнду эти врата имели огромное значение. В день праздника, едва выслушав наставления Бодхисаттвы, призраки спешили сюда, чтобы совершить подношения. Возле деревянной арки непрерывно курились благовония, заполняя воздух сизым дымом.

Цзюцин тоже прикупил в лавке благовонных свечей и вместе с Вэй Чжиюэ склонился в поклоне перед вратами. Пользуясь моментом, Люцзин проскользнул мимо них под арку терема Саха, чтобы поближе рассмотреть священное дерево.

Удумбара поражала своим величием — чтобы обхватить её могучий ствол, потребовалось бы несколько человек. Зацветало дерево крайне редко, раз в три тысячи лет, зато сейчас его ветви гнулись под тяжестью спелых плодов, источавших густой, сладкий аромат.

Предание гласило, что Удумбара распускается лишь в час прихода истинного Будды. Но для измученных душ это дерево оставалось символом надежды. Люцзин застыл перед ним, раздумывая: если он тоже поклонится святыне, поможет ли она ему поскорее разгадать тайну собственного происхождения?

Среди его тихих размышлений раздался отчетливый шорох сухой листвы. Повернув голову на звук, Люцзин замер: сквозь сизую дымку благовоний сначала показался изящный лотосовый фонарь, а следом — алое одеяние, поражающее своей изысканной, почти греховной красотой.

У вошедшего были тонкие, резко очерченные губы и холодный, пронзительный взгляд, сиявший мягким блеском лунного света. Пятнышко у виска, формой напоминающее изящное крыло бабочки, придавало его суровому облику неуловимое изящество. Волосы незнакомца были уложены просто — лишь пара прядей у висков перехвачена на затылке тонкой лентой, в то время как свободные локоны небрежно спадали на лоб, смягчая надменные черты лица.

Этим статным мужчиной, чью природную стать так выгодно подчеркивало алое одеяние, был сам Яньгу.

Их встреча под сенью священной Удумбары не была спланирована. Ни Люцзин не ожидал увидеть здесь владыку, ни Яньгу не помышлял о встрече с ним, но судьба распорядилась иначе.

— Владыка, — негромко позвал Люцзин, выходя из тени раскидистых ветвей.

Яньгу обернулся, их взгляды встретились, и на лице правителя на миг отразилось легкое удивление.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Яньгу.

Когда он шагнул вперед, Люцзин смог разглядеть его фонарь во всех деталях. Бумажный лотос был выполнен с безупречным мастерством: лепестки загибались вверх, пропуская сквозь тонкую бумагу теплое мерцание свечи. На бамбуковой ручке была искусно вырезана веточка сакральной для Фэнду красной ликорис-паучьей лилии, а шелковый шнур, украшенный узелком счастья, удерживал всю эту хрупкую конструкцию.

— Не смог заставить себя провести столь дивную ночь взаперти, вот и решил прогуляться, — ответил Люцзин.

Яньгу смерил его долгим взглядом. Было заметно, что к подобным витиеватым речам своего нового судьи он еще не привык.

— А где Цзюцин? — спросил Яньгу, оглядываясь. Разумеется, из-за массивных ворот разглядеть молящегося снаружи друга он не мог.

— У входа, — улыбнулся Люцзин. — Совершает подношения вместе с Чжиюэ.

Яньгу еле заметно нахмурился, и в его голосе проскользнуло странное замешательство:

— Вэй Чжиюэ тоже здесь?

Люцзин мысленно вздохнул.

"Они ведь отец и дочь. Что удивительного в том, что они пришли вместе?"

— Час близок. Пора отправляться, — проговорил Яньгу и решительно направился к выходу. Он имел в виду их вылазку в мир смертных.

За пределами двора клубился сизый дым благовоний, сновали бесчисленные духи, и со всех сторон доносилось веселое праздничное оживление. Цзюцина и Вэй Чжиюэ в этой толпе было трудно не заметить. Отец явно грелся в лучах славы своей прелестной дочери — юная Чжиюэ была так хороша собой, что приковывала взгляды многих проходящих мимо молодых призраков.

Вокруг них уже успели образоваться две плотные группки. Цзюцина расспрашивали о делах старые приятели-торговцы, а Чжиюэ смущенно отбивалась от знаков внимания со стороны местных франтов.

"Ишь, налетели бездельники, едва заведев красавицу..." — усмехнулся про себя Люцзин.

— Сам Король Яма! — выкрикнул кто-то из толпы.

Этот возглас мгновенно заставил всех обернуться к воротам терема Саха. При виде Яньгу шум тотчас утих, призраки чинно расступились и склонились в глубоком поклоне.

— Желаем владыке вечной радости в этот праздник! Пусть каждый год приносит благословение Подземному царству! — в один голос проскандировали духи, и их приветствие эхом раскатилось по окрестным улицам.

"Хорошие слова", — подумал Люцзин.

Яньгу ничего не ответил. Храня молчание, он высоко поднял свой лотосовый фонарь и величаво зашагал сквозь расступившуюся толпу прямо к Вэй Чжиюэ.

Толпа безропотно освободила дорогу. Невероятно изящный, окутанный ореолом величавой грации, правитель приблизился к девушке.

Он протянул руку, поднося хрупкий лотосовый фонарь к самому лицу Вэй Чжиюэ:

— Этот фонарь — тебе.

Его холодный, напевный голос прозвучал вежливо, но эти негромкие слова произвели среди собравшихся эффект разорвавшейся бомбы.

— Владыка одарил госпожу Вэй собственным фонарем!

— Какая пара! Столь благородному и могущественному господину под стать лишь такая редкая красавица!

Разумеется, нашлись и те, кто от изумления лишился дара речи. Цзюцин, сама Чжиюэ и, конечно, Люцзин стояли как громом пораженные.

Особенно недоумевал Люцзин. В его голове никак не укладывалось происходящее: с какой стати Яньгу вдруг вздумалось дарить Чжиюэ праздничный фонарь?

Вэй Чжияюэ растерянно моргнула, но быстро совладала с собой. Сохраняя безупречное изящество, она приняла дар, склонилась в изысканном поклоне и тихо произнесла:

— Покорно благодарю за вашу милость, владыка.

Пока Цзюцин и Люцзин пытались осознать случившееся, Яньгу не стал терять времени. Взмахом руки он призвал двоих призрачных стражников. Опешившие слуги мгновенно соткались из воздуха.

— Проводите госпожу Вэй в терем Лунного Сияния, — скомандовал правитель. — И позаботьтесь, чтобы её ничто не тревожило.

— Будет исполнено, владыка, — почтительно отозвались те.

Стражники встали по обе стороны от Чжияюэ и, бережно подхватив её под руки, бесшумно растворились в толпе вместе с удивленной девушкой.

Яньгу повернулся к Люцзину и ровным тоном произнес:

— Время пришло. Чего мы ждем?

"Ну и горазд же ты преподносить сюрпризы!" — мысленно покачал головой Люцзин.

— Ну что, Люцзин, идем? — окликнул его Цзюцин, возвращая к действительности.

Люцзин торопливо кивнул и поспешил за правителем и другом. Втроем они миновали городские ворота и покинули пределы Фэнду.

Миновав Врата Духов, спутники устремились напрямик в Южный округ. Путь лежал по хорошо знакомой дороге, и не прошло и получаса, как перед ними выросли очертания спящего города Наньцзюнь.